

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ГРУ

Сергей Самаров

КОНВЕЙЕР
СМЕРТИ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Конвейер смерти

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Конвейер смерти / С. В. Самаров — «Автор», 2018 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-095721-7

Капитан спецназа ГРУ Алексей Ветошкин получил задание внедриться в подпольный наркосиндикат и уничтожить лабораторию по производству новейшего психотропного препарата. Все предыдущие попытки остановить преступный конвейер окончились провалом, засланные агенты бесследно исчезли. Для выполнения задания Ветошкину предстоит привыкнуть к чужому имени, в короткий срок освоить повадки матерого уголовника, научиться свободно разговаривать на незнакомом языке... Капитан тщательно вживается в образ, понимая, что в логове синдиката его ждет жестокая проверка...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095721-7

© Самаров С. В., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	19
Глава четвертая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Самаров

Конвейер смерти

© Самаров С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

Я в кабине головного грузовика автоколонны возвращался вместе с ротой с гарнизонного стрельбища, где мы испытывали новый стенд с перемещающимися в горизонтальной поперечной плоскости мишенями, когда мне на трубку позвонил наш комбат, подполковник Васильков, и категорично потребовал сразу по возвращении прибыть к нему в кабинет. Вообще Александр Васильевич сам по себе человек добродушный и предельно вежливый, от природы лишенный армейской суровости, и иногда даже приходилось удивляться, что этот мягкий человек делает в армии, да еще в такой жесткой его составляющей, как военная разведка. И потому уже по одному его тону я понял, что рядом с ним находится кто-то посторонний, которому потребовалось со мной пообщаться.

– Понял, товарищ подполковник. Как только вернемся, сразу прибуду, – пообещал я. – Но нам до КПП еще минут двадцать добираться.

– Мы тебя ждем... – подтвердил комбат мою догадку, делая акцент на «мы», и я задумался над причиной подобного вызова, причем высказанного в категоричной форме.

Боевая командировка отпадала, поскольку моя рота только неделю назад вернулась с Северного Кавказа и я все последние дни был занят подготовкой документов на демобилизацию тридцати двух бойцов, у которых завершился срок срочной службы. В таком положении, когда еще не прибыло пополнение больше чем пятой части роты и пока оно не прошло хотя бы частичное обучение, никто разведывательную роту в «горячую точку» не отправит. Кроме того, подполковник Васильков произнес фразу «Мы тебя ждем...». Это я выделил особо. Отправка роты в боевую командировку не подразумевала содействие какой-то другой стороны, и мне трудно было предположить, что именно от меня потребовалось подполковнику. Я не стал забивать себе голову догадками, тем более что был другой важный вопрос, требующий моего решения. Сразу у пятерых бойцов моей роты завершался срок контракта. Трое из пятерых сами желали контракт продлить и продолжить службу, но двоих требовалось уговаривать. С ними, естественно, проводили беседы командиры взводов, но пока безрезультатно. Особенно мне хотелось оставить младшего сержанта контрактной службы сапера Матвея Кораблева как главного ротного «технаря», способного произвести ремонт любого вида оружия и боеприпаса. Матвей, сын мастера-часовщика, был способен из электрической мясорубки, соковыжималки и комплекта женских заколок для волос сделать скорострельную пушку любого калибра, в зависимости от того, какие снаряды попадутся по руку. Так уж его мозг устроен. Подобные способности даже в среде профессиональных оружейников – редкость, и Матвея уже много раз пытались переманить в батальонную оружейно-ремонтную бригаду. Но у него характер слишком боевой, чтобы променять, например, бой в окружении на кабинетную или цеховую работу от звонка до звонка. И я занялся подыскиванием аргументов, которые могли бы убедить Матвея продлить контракт.

Постучав в дверь и дождавшись приглашения, я четким шагом вошел в кабинет подполковника и сразу узнал находившегося там генерала ФСБ Кабакова.

– Товарищ генерал, разрешите обратиться к товарищу подполковнику, – произнес я уставную фразу.

– Обращайся, – небрежно отмахнулся Сергей Павлович пухлой рукой и, повернувшись ко мне спиной, стал смотреть в окно на наш военный городок.

– Товарищ подполковник, капитан Ветошкин по вашему приказанию прибыл.

– Вижу, что прибыл. Присаживайся... – Васильков улыбнулся чуть виновато и кивнул в сторону Кабакова: – Вот, товарищ генерал по твою душу прибыл. Могу оставить вас здесь

для разговора. Могу сам остаться в кабинете и предоставить вам возможность поговорить на свежем воздухе.

– Мы лучше договариваемся на свежем воздухе, – обернувшись от окна, посмотрел на меня генерал. – Пойдем, капитан. Чуть не назвал тебя по привычке старшим лейтенантом. Если назову невзначай, ты уж не обижайся... – И первым направился к двери. Взглянув на комбата и увидев его незаметный кивок, я последовал за Кабаковым. Генерал не стал дожидаться меня ни перед лестницей, ни после нее. И остановился, только выйдя через внутреннюю дверь во двор батальонного городка. Только там Сергей Павлович остановился и оглянулся, поджидая меня, отстававшего от него на шесть-семь шагов. Дальше, все так же молча, мы пошли рядом, пока не дошли до ближайшей скамейки. Генерал, тяжело вздохнув, сел. Сам я без разрешения садиться не рискнул, все-таки субординация давно, еще со времен училища, прочно засела в моем сознании. И начинать разговор я тоже не спешил, ждал, когда генерал заговорит первым. Он и заговорил. Вернее, спросил меня:

– Ну, чего молчишь?

– Жду, товарищ генерал, когда вы с меня возьмете подписку о «неразглашении», как в прошлый раз.

В первую нашу встречу с такой расписки мы и начали наш разговор.

– Ты ведь уже давал подписку. Или я что-то запамятовал?

– Так точно. Давал.

– Насколько я помню, подписка дается сроком на пять лет. Значит, старая еще действительна, и незачем бумагу почем зря переводить.

– Согласен, хотя, как я понимаю, вопрос стоит совершенно другой. Прошное дело закрыто и, наверное, находится уже в суде.

– Нет, – снова вздохнул Кабаков, – пока еще тянется следствие. Но скоро, надеюсь, дойдет и до суда. Весь вопрос в подписании материалов военной прокуратурой. А в подписке, кстати, говорится только о всех государственных, служебных и военных тайнах, которые станут тебе доступны в процессе работы. Правильно я понимаю, что любое новое дело тоже попадает под эту подписку?

– Вам виднее, товарищ генерал. Про себя могу сказать, что я человек не болтливый.

– Это я знаю... – махнул рукой Кабаков, и я понял, что какое-то определенное время находился «под колпаком» у ФСБ.

Я действительно замечал некоторое внимание к собственной персоне со стороны, но не думал, что это ФСБ работает так неаккуратно. Человеку легко сменить внешность. Стоит лишь заглянуть в первый попавшийся подъезд, надеть очки с накладным носом и приклеить усы и брови. Все эти атрибуты, если они нанесены на лицо правильно, определить можно только при пристальном разглядывании, которое никто обычно себе не позволяет. В том же подъезде можно даже брюки сменить со светлых на полосатые. Но вот носки и брючный ремень, как правило, не меняют. Особенно это касается носков. И я дважды замечал, как за мной какой-то человек присматривает. Это было в выходной день, когда мы с женой ездили в областной центр на моем «китайце», что достался мне после прошлой совместной с ФСБ операции. Машина, на мой неприхотливый вкус, была неплохая, легкая в управлении, и мы каждый выходной стали ездить в Краснодар.

С прошлым заданием фээсбэшников я справился, как мне показалось, лучше, чем мог бы справиться любой из оперативников ФСБ. И дело здесь в простом. В самой ФСБ существует строгое разграничение – оперативники выполняют свою работу, спецназовцы – свою, которую принято называть действиями «по обеспечению». А нам, спецназовцам ГРУ, приходится, по сути, выполнять и оперативную работу, и при этом оставаться спецназом. Не думаю, что какой-нибудь оперативник из ФСБ в состоянии соревноваться со мной в фехтовании ножом. Со спец-

назовцами из их ведомства я на различных соревнованиях встречался, и школа ножевого боя ФСБ не произвела на меня никакого впечатления.

Эти мысли навели меня на новый вопрос:

– А что, товарищ генерал, вам снова понадобился чемпион, как вы в прошлый раз некрасиво, на мой взгляд, выразились, по «поножовщине»? Так я понимаю суть своего привлечения в ваши действия?

– Неверно понимаешь, – сухо ответил Сергей Павлович. – Но я тебе объясню. В данном случае вопрос упирается в то, что в своем расследовании мы столкнулись с утечкой большого объема оперативной информации. В данном случае мы расследуем деятельность сильного наркосиндиката, который кто-то крышует, – то ли из наших сотрудников, то ли из сотрудников МВД. Это наша совместная с ними операция. Все наши сотрудники могут быть известны наркодельцам, а нам нужен свой человек для внедрения в банду и проведения некоторых активных действий. Вот я и вспомнил о тебе. Наркосиндикат, в просторечии – банда, производит и продает сильнодействующий синтетический наркотик. Надеюсь, что ты про него и не слышал. Это новое еще веяние. Но должен предупредить, что два наших сотрудника, которых нам удалось внедрить в банду, очевидно, погибли.

– Я не очень понимаю, товарищ генерал, вашу формулировку. Что такое «очевидно, погибли». Они или погибли, или не погибли. Третьего не дано.

– В том-то и дело, что они перестали выходить на связь, не подают никаких сигналов, и мы не знаем, что с ними случилось. Убить человека и спрятать тело так, чтобы его могли найти только случайно, – разве это сложно? Оба сотрудника – мои подчиненные, по званиям оба – капитаны, всегда положительно характеризовались по работе на службе и в быту. Для меня дело чести если не найти их, то хотя бы выяснить их судьбу. Но это твоя последняя задача. Главная же – внедрение в банду, поиск и передача нам информации о самой банде и о лаборатории, которую мы уже больше года не можем найти.

– А что за лаборатория? – спросил я, разыгрывая наивность.

– Где этот синтетический наркотик и производится. Называется он красиво – «синий лён». Но при всей красоте названия – это весьма серьезный и губительный препарат, который ни в коем случае не должен уйти за границу. То есть его технология приготовления не должна уйти. Производится в значительных количествах не только для распространения в России, но и для поставок как раз туда, за рубеж. Правда, поставляется пока сам наркотик, а технология его изготовления остается в руках наших наркодельцов. И потому я сразу должен тебя предупредить: в лаборатории работает неопределенное количество ученых, большей частью молодые специалисты – химики, и их необходимо сохранить для наших собственных военных нужд. А сам наркотик и технологию его производства, возможно, потребуется каким-то образом, с помощью тех же самых ученых-химиков, превратить в оружие. То есть задача перед тобой ставится государственной важности. Можно сказать, что боевая задача по сохранению тайны производства новейшего вида оружия. Возьмешься за такое дело?

– Это дело вполне армейское и, мне кажется, не столько криминальное, сколько политическо-патриотическое. Будет приказано, и возьмусь, и выполню, товарищ генерал.

– Кем приказано?

– Ну, например, генералом Кабаковым.

– Тогда – приказываю! Однозначно...

Глава первая

– Теперь, когда ты выразил принципиальное согласие, имею право дать тебе более широкую информацию, – сухо проговорил генерал Кабаков, сосредоточенно глядя мимо меня.

Голос его показался мне глубоким и тяжелым, таким похоронные марши поют. Уж не собрался ли он меня заранее хоронить, приглашая участвовать в деле, где уже то ли погибли, то ли пропали два его сотрудника одного со мной звания?

– Плотная работа по наркокартелю, проще говоря по мощной банде, началась достаточно банально. Нам позвонила жена одного молодого ученого-химика, работающего в военном научно-исследовательском институте. Он пропал около десяти дней назад. Зовут ученого Николай Абросимович Якутов. Хотя он родом из Якутска, к натуральным якутам, кстати, никакого отношения не имеет. По национальности русский. Воспитанник детского дома, там и получил фамилию в честь города, где от него отказалась малолетняя мать. Но это история не нашего расследования. Мать искать мы не планируем, сомневаемся в ее причастности к происшествию, хотя Следственный комитет и рассматривал такую версию. Только не в плане похищения, а в бегстве самого Якутова на поиски матери. Он слыл человеком неразговорчивым, мягко говоря, со странностями, которые ему, как частичному гению, прощались. Мог никому не сообщить, получив информацию, на все плюнуть и уехать. Тем не менее я считаю, что такими вещами пусть телевизионные шоу балуются. У нас свои приоритеты. Николая Абросимовича, у которого, кстати, дипломная работа в вузе была предложена к рассмотрению как кандидатская диссертация, объявили в розыск еще неделю назад, но его следов обнаружить не удалось. Как обычно, в день исчезновения он выехал со двора в Подмосковье, отправляясь в лабораторию своего института, расположенную не слишком далеко по московским меркам – всего в шестнадцать километрах от его дома. Вечером его долго не было, но он часто задерживался, работая в научной библиотеке лаборатории, и потому жена не сразу хватилась. Николай Абросимович не так давно опубликовал в одном солидном периодическом издании пару статей на тематику, которой занимался. К его неудовольствию, они прошли жесткую цензуру, поскольку сама тема является «закрытой», и стали, грубо говоря, вполне «обезжиренными», то есть пригодными для публикации. У нас есть основательные подозрения, что именно из-за этих статей Якутова и похитили. Я сейчас раскрываю тебе, как человеку доверенному и неболтливому, важную государственную тайну. Якутов разрабатывал состав, который возможно будет наносить на ткань воинской одежды с целью поднятия боеспособности солдата, повышения его агрессивности, личной отваги и в дополнение ко всему – сообразительности в трудной обстановке. Сам он, правда, изначально разрабатывал состав, пропитывающий одежду анальгетиками. Это тоже для армии. Обезболивающие и дезинфицирующие средства в случае ранения или какой-то другой боевой травмы тоже важны для армии.

– С моей точки зрения, товарищ генерал, это даже важнее, чем стимуляторы, – прокомментировал я.

– Это точка зрения командира боевого подразделения, который озабочен жизнью и здоровьем своих солдат, но не более, – покачал головой Кабанов. – А офицеру военной разведки пора научиться мыслить на государственном уровне. Впрочем, поспешу тебя успокоить. Первая тема, которую разрабатывала группа Якутова, успешно проходит испытание. Кстати, если мне память не изменяет, испытания проводят отдельные подразделения как раз спецназа ГРУ в составе сводного отряда в регионе Северного Кавказа. Пропитке подвергаются костюмы от экипировки «Ратник». Я даже думал, честно говоря, что ты в курсе. Но это не имеет особого значения. Я тебе коротко представил направление работ похищенного химика...

– А с чего вы, извините, товарищ генерал, решили, что его похитили?

– Он каким-то образом умудрился позвонить жене, сообщить ей о похищении, о принуждении к работе, даже дал направление этой работы, отчего мы и связали это похищение с производителями «синего льна». Именно их должен интересовать такой вопрос, поскольку мы дважды за последние шесть месяцев перехватывали крупные партии наркотика, отправляемого за рубеж. Поставщикам приходилось возвращать крупные суммы. Это большой убыток. И бандиты, как мы думаем, должны или искать новые каналы, или же новые формы поставки. Договаривать и объяснить все жене Николай Абросимович не успел. Кто-то помешал ему. И, видимо, провели обыск и отобрали трубку. Больше звонков не было. Однако нам хорошо известно, что последняя работа Якутова ценна тем, что он разработал какие-то неактивные устойчивые смеси, которые можно использовать вместе с различными химическими препаратами и пропитывать ими одежду. Наши специалисты в один голос говорят, что таким образом вполне возможно пропитывать ткани наркотиком с тем, чтобы потом выпаривать его или же вообще не выпаривать. Мы предложили им для испытания синтетический наркотик «синий лен» из своих конфискованных запасов, и они с помощью препарата Якутова легко пропитали ткань, и внешне это осталось незаметным, а потом без труда наркотик выпарили. При этом обнаружили еще одно свойство «синего льна». Его не обязательно принимать внутрь – пропитанную наркотиком одежду достаточно носить и в ней хотя бы вспотеть или принять какой-то вызывающий жар препарат. Смешиваясь с горячим потом, он начинает проникать под кожу и действовать очень активно... Наркоманы, которые на «синий лен» уже подсели, насколько нам стало известно, для поднятия температуры используют старый способ – ставят себе в ягодичу укол подогретого не до кипения молока. Самого обыкновенного молока из магазина. В результате в организме поднимается высокая температура. В советское время в рабочей среде этот способ использовался для получения больничного листа.

– В солдатской, я слышал, тоже... – заметил я. – Только не в спецназе ГРУ, где болеть считается зазорным – так мы солдат воспитываем. У нас любую простуду лечат усилием воли. Так делали и студенты медицинских вузов, в среде которых этот способ был весьма популярен. Так что, товарищ генерал, у этого «открытия» седая борода.

– Может быть, может быть... – охотно согласился генерал Кабаков. – Короче говоря, мы думаем, что бандиты решили переправлять за границу официально какие-то тряпки, пропитанные наркотиком. И есть у нас к тому дополнительные данные. Вообще, это незнакомый для них бизнес. Просто так в незнакомый и не настолько прибыльный, как наркотики, бизнес люди подобного уровня не лезут. Им большие деньги подавай. Координаты основной банды у нас имеются. И всегда можно было бы основную часть, вместе с главарями, «повязать». Но мы не знаем, где находится лаборатория по производству наркотиков – и это главное. И доказательная база пока еще собрана слабая. Собственно говоря, у них даже не лаборатория, а небольшой завод, судя по объемам. Или даже, что более вероятно, несколько цехов на каких-то отдельных заводах или предприятиях. Целый завод стал бы заметным явлением, его было бы намного легче определить хотя бы по документам налоговой инспекции. Наши специалисты больше месяца изучали налоговую документацию всех небольших предприятий Москвы и Московской области, но ничего найти не смогли, кроме обычных нарушений, свойственных всем предприятиям, как то: зарплата в конвертах и прочая мелочь. Теперь, видимо, придется заниматься предприятиями, продающими за рубеж одежду. Но это только предположение, хотя и имеющее под собой весомые основания. Вот в принципе основное, что я хотел тебе, капитан, сообщить, остальное узнаешь уже на месте. Да, еще один немаловажный факт. Действие «синего льна» при инъекции в кровь или при «занюхивании» схоже с действием героина и кокаина, так что он подходит и героинщикам, и кокаинщикам. А вот при проникновении в организм через кожу – совершенно другое действие. Полностью поражается вся нервная система. Человек становится внушаемым и управляемым на длительный период. Правда, наши химики утверждают, что

при других способах приема, особенно при инъекции, результат будет тот же самый, но только после длительного приема одного и того же наркотика.

– Тогда я понимаю военное применение «синего льна», – кивнул я. – Подавление противника без непосредственного боестолкновения...

– Вот теперь я вижу настоящего военного разведчика, – улыбнулся Кабаков и продолжил: – В курсе твоей работы будут только трое – я сам и два моих помощника, подполковник Виктор Васильевич Разумов и майор Алексей Ефимович Настырняев. Оба – надежные люди, с которыми я вместе много лет проработал. Знаю того и другого со времен, когда сам еще в майорах ходил. Вопросы есть?

– Так точно. Главный вопрос. Сам «синий лен» – действие после приема...

– В общих чертах я уже сказал. Из других показателей мне мало что известно, я не специалист. Могу только перечислить самые яркие факторы. Угнетение волевых центров мозга и активация центра удовольствий в той же самой голове. Резко обостряется воображение, даже у людей, совершенно лишенных воображения. После приема препарата хотя бы в течение нескольких дней легко вырабатывается привыкание именно к нему. Уже не возникает желания баловать себя ни гашишем, ни героином, ни анашой, ничем другим, требуется только «синий лен». Этим он для производителей и ценен. Сбыт гарантирован.

– А почему именно «синий»? Я еще ребенком видел однажды в Костромской области целое поле цветущего льна, и у меня в голове отложились голубые цветы.

– У меня изначально тоже, – согласился Сергей Павлович. – Кстати, поле льна я видел в той же Костромской области. Там когда-то, я слышал, все льняные поля принадлежали заводчику-миллионеру Третьякову, который на льняные деньги построил Третьяковскую галерею и подарил ее Москве. И меня тоже заинтересовал термин «синий». Оказывается, лен бывает и синий, и голубой. И вообще сейчас существуют сорта разноцветного льна – декоративные сорта. А почему «синий лен», мне дали подсказку. Есть такой цветок, называется немфила голубая, иное название – «голубые глаза ребенка». Он называется голубым, хотя на самом деле больше синий. Сейчас это садовый цветок и разводится на дачах. Однако когда он растет большими массивами, его с расстояния легко принять за лен. За настоящий синий лен. Немфила разводится зернами путем высадки в открытый грунт. И как раз ее семена содержат мизерное количество какого-то химического вещества, которое и является основой наркотика «синий лен». Но чтобы создать одну дозу наркотика, требуется вырастить целое поле этих цветов. А кто-то из химиков сумел синтезировать это вещество, то есть создать искусственно. И только тогда производство наркотика стало рентабельным делом. Но это я объясняю тебе по-дилетантски, поскольку ботанику изучал только в школе, а это было очень давно. Еще вопросы есть?

– Только оперативного характера! Когда приступать и каким образом...

– Немедленно. Я хотел бы, чтобы ты на машине отвез меня в Москву. Там доберемся до конспиративной квартиры, которую ты будешь, скорее всего, официально «снимать». Хотя есть и другие варианты. Мы выберем самый реальный и удобный. Документы на тебя, паспорт и все прочее готовятся в ускоренном порядке.

– Документы готовятся в МВД? – невольно поморщился я.

– Никак нет, товарищ капитан, документы готовятся в ГРУ. То есть это будут стопроцентные «фальшивки», но у вас, насколько я знаю, их умеют делать более высокого качества, чем документы настоящие.

– Умеют, – кивнул я.

– Таким образом, в ГРУ мы с тобой заехать завтра в любом случае должны. Если, конечно, они не поторопятся и не передадут документы моим помощникам. Твою фотографию мы хотели запросить в батальоне, но в ГРУ сказали, что у них в документах есть фотографии нужного формата.

– Товарищ генерал, мы можем выехать в ночь, а не сейчас?

– Почему в ночь? Обоснуй!

– В моем понимании поехать в ночь, – это выехать около девяти часов вечера. Дорога будет относительно свободной. В прошлой нашей с вами операции я добрался до Москвы за десять часов. Выезжал так же. Значит, в семь утра мы будем в Москве. Где расположены посты ГИБДД, я знаю отлично. Мимо них буду проезжать аккуратно, без превышения скорости. Конечно, если есть оперативная необходимость, могу выехать и через час. Но в девять вечера будет удобнее. Кроме того, мне ведь и собраться надо...

– Вижу, у тебя, капитан, какие-то свои соображения имеются. Ты выкладывай, а я подумаю.

– Есть не соображения, товарищ генерал, а дела, в которых я обязан по долгу службы принять непосредственное участие. Согласно расписанию, сегодня моя жена, а она по образованию психолог, должна проводить в одном из взводов моей разведроты свое первое занятие по умению использовать собственные ресурсные состояния. Мы вместе долго готовились, хотя мне отводится только роль психологической поддержки. И я должен присутствовать там вместе с комбатом, кроме того, обязан дать реальное заключение о пользе или бесполезности таких занятий.

– Честно говоря, я не слишком хорошо понимаю, что такое ресурсное состояние.

– Вообще, товарищ генерал, следует начать с того, что такое ресурс. Ресурс – это всё, что используется целевым образом. В государстве ресурсы – это, как правило, полезные ископаемые. У человека – наличие сил и возможностей. Например, ведет взвод преследование противника. А в банде противника присутствуют несколько бегунов-стайеров или даже марафонцев. Бежали за ними, бежали, устали... А беглецы убегают... Но психология говорит, что ресурсы человеческого организма практически неисчерпаемы, и отработанным приемом можно их разбудить. Причем это могут быть ресурсы любого порядка, от психологической устойчивости до физического восстановления. Нас в училище этому обучали с помощью легкого гипноза. Жена уверяет, что владеет таким способом гипноза. Я на себе проверял – владеет. Легкий гипноз – это когда человек остается в сознании и может принять или не принять внушение по своему усмотрению. То есть безопасный гипноз, который не повышает внушаемость индивида, как обычный.

– Я знаю, что такое легкий гипноз. Нас тоже кое-чему временами обучают... – сердито буркнул Кабаков. – И в какое время запланировано занятие со взводом?

– В восемнадцать часов сорок минут, товарищ генерал. Академическая пара. То есть два занятия по сорок пять минут, с десятиминутным перерывом.

– Собраться после этого успеешь?

– Я заранее соберусь.

– Тогда буду ждать тебя в батальонной гостинице. Ровно в двадцать один час. Постарайся не заставлять старших по званию тебя дожидаться...

Генерал Кабаков не оставил мне времени на написание заключения по курсу. Пришлось договариваться с комбатом, что заключение напишет он, а я, как вернусь, подпишу его. Если же со мной что-то случится, заключение подполковник подпишет уже от своего лица. Я особо предупредил об этом жену Ольгу. Дело в том, что занятия должны были проводиться в бывшем моем взводе, которым я командовал до того, как принять роту. И это накладывало на сам процесс какую-то тень семейственности, что ли, поскольку Ольгу во взводе знали даже призывники, не говоря уже о контрактниках. Такие претензии в штабе высказывались, как мне передавали, но комбат ответил на них коротко:

– Если командир роты считает, что ему удобно работать с женой, что в этом плохого?! Главное, чтобы толк был. То есть главное, чтобы был результат...

Против такого мнения возражений не нашлось ни у кого.

Занятия проходили в штабной аудитории. Я успел сходить домой и с помощью жены собрался в дальнюю дорогу, не зная даже, на какое время придется уехать. Потом проводил Ольгу в штабной корпус, где ее в аудитории уже ждал бывший мой взвод, и сам занял место за задним столом, рядом с подполковником Васильковым и заместителем командира взвода старшим сержантом Колей Юханцевым. Командир взвода, пришедший мне на смену, всегда румянощекий лейтенант Сергей Юрьевич Сидоркин, занял место за первым столом, чтобы лучше слышать и легче впитывать сказанное.

– К поездке подготовился? – спросил меня Васильков.

– Так точно, товарищ подполковник. Подготовился. Только хочу попросить вас дать разрешение дежурному по КПП пропустить на территорию мою машину. Генерал приказал заехать за ним в гостиницу.

Комбат кивнул, вытащил трубку и, не откладывая дела на «потом», сразу позвонил на КПП. Теперь нам с генералом не придется терять время на пеший полуторакилометровый переход через весь военный городок.

Ольга начала свою лекцию. Стала рассказывать о процессах, происходящих в мозге человека при легком гипнозе, перечислила все уровни, на которых мозг находится в разном состоянии, – во время бодрствования, во время полудремы и во время сна, и объяснила, почему уровень полудремы, называемый уровнем «Альфа», является самым эффективным средством воздействия, которое человек способен оказать сам на себя. А к самому гипнотическому сеансу она перешла во второй половине лекции. Сама она не называла это гипнозом, предпочитая более доступный и более мягкий для общего понимания термин – программирование. Я же всегда считал и даже пытался убедить в этом жену, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется. То есть как ни называй сеанс, а он все равно остается легкой формой гипноза.

В завершение она вытащила из своей сумки три пакета с компьютерными компакт-дисками и положила их перед собой на стол. Вообще-то вполне можно было бы обойтись и одним диском, но она почему-то предпочла три. А сверху выложила целую стопку листов принтерной распечатки и пояснила:

– Во взводе три отделения. На каждого бойца выделяется отдельный текст, который не обязательно заучивать дословно. Главное – понять суть и суметь пересказать. Можно своими словами, более доступными фразами и понятиями. Текст следует изучить внимательно. Отдельные диски для каждого бойца я записывать не стала, по диску лекции на каждое отделение. До следующего занятия вы должны самостоятельно провести хотя бы десять сеансов. Для этого придется в некоторые дни проводить по два сеанса в день. Лучше это делать перед сном или в период наибольшей усталости, когда вы уже автоматически будете входить в состояние «Альфа». А я, если ваше командование будет согласно, встречу с вами через неделю. Тогда я буду обучать ваше подсознание обращаться к собственной интуиции.

– А я вот, должно быть, по малой грамотности, – сказал Васильков, – всегда считал, что интуиция или есть, или ее нет. Думал наивно, что это врожденное чувство.

– Это распространенная ошибка, – ответила ему Ольга. – Интуицию можно тренировать и развивать. И вы поймете это после первого же занятия. Если, конечно, такое занятие состоится.

– А вы куда-то собираетесь уезжать? – спросил подполковник. – Если нет, то занятие обязательно состоится. И я тоже буду присутствовать. Очень уж хочется интуицию разработать...

Глава вторая

Чтобы показать свою пунктуальность, мне пришлось почти три минуты нарочито просидеть в машине, и только ровно в двадцать один ноль-ноль, секунда в секунду, я постучал в дверь номера, занимаемого генералом Кабаковым. Конечно, я понимал, что это были, что называется, «понты», но из них, как я слышал, во многом наша повседневная жизнь и состоит, и из них же складывается впечатление о человеке. Так мне мой жизненный опыт подсказывает. В данном случае впечатление складывалось обо мне. А у меня была острая необходимость оставить о себе благоприятное впечатление как об очень ответственном и аккуратном даже в пустяках человеке, которого головное управление ФСБ желало бы использовать снова.

Я оказался человеком пунктуальным, а вот генерал Кабаков, в отличие от меня, не очень. Он еще минут пять просматривал какие-то бумаги. Часть из них складывал в портфель, намереваясь увезти с собой в Москву, некоторые просто комкал и бросал в корзину для бумаг под столом. Потом попросил меня подождать в машине. Я понял, что Сергей Павлович хочет переодеться. И не ошибся. Из гостиницы генерал вышел, совсем не так одетый, как я ожидал его увидеть, не в своем парадно-выходном мундире с ярко-красными лампасами на зеленых бриджах, а в камуфлированном костюме с надписью на спине «ФСБ», однако без бронежилета и без «разгрузки», которые прикрывали бы генеральские погоны. Но и сами погоны были камуфлированного цвета и не бросались в глаза. Только лампасы на бриджах были не камуфлированные, а обыкновенные зеленые. Он сразу сел на заднее сиденье.

На КПП меня как запустили без разговоров, так же и выпустили, заранее открыв ворота. Я сразу поехал на предельно допустимой правилами скорости, иногда превышая ее, чтобы создать запас на случай непредвиденных остановок. Двигался по трассе М-4. В Молькино проехал мимо забора нашего бригадного городка без остановки.

- Не тянет заглянуть? – спросил Кабаков.
- Вам нужно туда? Только штаб в это время уже отдыхает, едва ли кого застанем.
- Если тебе не надо, мне – тем более. Едем дальше.

До Краснодара мы доехали даже быстрее, чем я планировал, и напрямую устремились в сторону Ростова-на-Дону, который миновали по объездной дороге. Скорость пришлось сбросить только на подъезде к Батайску, там еще было оживленное движение, а уже на основной трассе М-4 я позволил себе разогнаться до скорости под сто пятьдесят километров в час.

Сергей Павлович, к счастью, в мою манеру езды не вмешивался, в отличие от моей жены Ольги, которая часто приказным тоном придерживала меня, и ничуть не возражал против быстрой езды. Тем более что свободная в это время суток дорога позволяла ехать в свое удовольствие. И только около перекрестка, где дорога направо уходила в Шахты, а налево в Новошахтинск, нас остановили на стационарном посту ГИБДД. К счастью, разглядев даже в темноте генеральские погоны Кабакова, дэпээсники ограничились простой проверкой документов. На вопрос капитана: «Куда направляетесь»? – я коротко ответил: «Прямо...»

- Капитан козырнул и пожелал нам счастливого пути.
- Спасибо, – ответил я, и мы поехали дальше.

В Москву прибыли утром, когда машин на дорогах было еще мало и никто нам не мешал. Генерал назвал мне адрес, я повторил его навигатору, который сразу проложил маршрут и начал делать подсказки. По внутреннему кольцу МКАД мы проехали до нужного поворота, углубились в улицы относительно новых домов, затем двинулись по прямой в сторону центра, пока не оказались в нужном дворе, где существовала даже платная парковка, куда я сразу и определил своего «китайца», попытавшись выторговать у старика-дежурного постоянное место хотя бы на месяц. Но успеха эта торговля не принесла, даже генеральский мундир Каба-

кова не произвел на старика впечатления, хотя выправка у него была армейская, но лицо и манера говорить скорее ментовские, с самодовольной ехидцей. Он меня сурово предупредил:

– После двадцати двух часов свободных мест практически не бывает. Сейчас есть, потому что три клиента уже уехали.

– Учту... – кивнул я и поспешил за Сергеем Павловичем, который, видимо, знал нужный подъезд. Догнал его на крыльце, когда он нажимал на кнопку домофона. Буквально через три секунды низкий мужской голос спросил:

– Кого Господь в такую рань прислал?

– Это мы, Алексей Ефимович, приехали. Открывай...

Домофон звучно щелкнул, и мы вошли в подъезд. Я было остановился около дверей лифта, но генерал кивнул в сторону лестницы:

– Всего-то второй этаж.

Сколько я ни сталкивался с конспиративными квартирами, они обычно всегда находятся на втором этаже. Это, наверное, со многих точек зрения считается удобным. В окно первого этажа иногда можно с улицы заглянуть, не трудно сесть кому-то на плечи или что-то к стене приставить, на что можно взобраться, а вот в окно второго так заглянуть невозможно. Зато в случае необходимости легко можно выпрыгнуть.

Мы поднялись на второй этаж. На лестничной площадке были два тамбура, в каждом из которых, как я догадался, по две квартиры. Дверь в нужном нам тамбуре уже была открыта, как и дверь квартиры, но нас никто не встретил. Тем не менее мы вошли и в прихожей столкнулись с щуплым человеком, обладателем низкого голоса.

– Извините, товарищ генерал, у меня тут чайник засвистел. Я побоялся, что всех соседей перебудит, побежал с плиты снять... – кивнул он в сторону коридора, ведущего, судя по всему, на кухню. – В соседней квартире четверо детей. Еще спят, наверное...

И словно в ответ на его слова в тамбуре закрипела металлическая дверь соседней квартиры, из нее вышла крупногабаритная женщина, ростом на полголовы выше меня, а я ведь тоже не карлик, и вывела за руки двоих малолетних детей, похоже, собиралась отвести их в детский сад. Я поздоровался. Женщина поздоровалась в ответ, и тут же из-за двери высунулось мужское, причем какое-то измученное, лицо, тоже поздоровалось и тут же скрылось в своей квартире. Получалось, что я с новыми своими соседями почти познакомился. По крайней мере визуально.

– Проходи, Алексей Афанасьевич, – предложил мне генерал, разуваясь. – Только разуться не забудь, не веди себя, как участковый мент. Майор Настырняев, наверное, всю ночь полы драил. Он у нас любит чистоту. Готовил квартиру к твоему приезду.

Я уже понял, что нас встретил майор ФСБ Алексей Ефимович Настырняев, и протянул ему руку, представляясь:

– Капитан Ветошкин, спецназ ГРУ.

– По прошлому твоему делу, капитан, тебя запомнил, когда ты на ножах дрался с румынским молдаванином, или как его... который на деле был капитаном разведуправления НАТО. Я из машины его на прицел взял. Но не стрелял, дал тебе возможность отличиться... Да и далековато было для стрельбы из пистолета. Дистанция метров в сто...

– Нормальная дистанция, – не согласился я. – Конечно, автомат в этом случае лучше, но и пистолет тоже можно использовать. Надо лишь уметь не промахиваться... У нас такой выстрел принято считать классикой жанра.

– А у нас майор Настырняев считается лучшим стрелком из пистолета во всем Следственном отделе федерального управления. По завершении операции обязательно свожу вас в тир и устраю соревнования, – пообещал генерал.

– Я готов в любое время, даже среди ночи, – самоуверенно посмотрел на меня майор.

– Я тоже, – кивнул я. – Даже ночью, на мой взгляд, лучше для меня лично. Мы же – «летучие мыши»¹, ночные животные в человеческом обществе и, как иногда говорят, в человеческом облике. Нам ночная деятельность привычнее.

Я разулся и прошел в комнату, где сразу обратил внимание на образцовый порядок, вообще-то не свойственный конспиративным квартирам, обычно редко посещаемым, к тому же используемым разными людьми.

– Что там с документами? – поинтересовался генерал у майора. – Мне звонили, что там какие-то нелады. Я толком ничего не понял, но расспрашивать и уточнять в открытом разговоре, да еще при посторонних, не стал. Ты в курсе, Алексей Ефимович?

– Вообще-то документами занимается подполковник Разумов. Но я тоже в курсе. Для капитана подготовили справку об освобождении вместо паспорта. Стали проводить сверку с другими документами дела, и оказалось, что из той же зоны не так давно освобожден водитель задержанного на границе грузовика с партией «синего льна». С одной стороны, это привязка. Можно было бы как-то этот факт использовать для выхода на наркодельцов. Например, кореш по «зоне», только что «откинулся», не знает, что его друг снова в СИЗО. Есть варианты... Но потом посчитали, что водителя тоже кто-то в банду вводил, возможно, что и человек с той же строгой «зоны», и он может сказать, что такого у них не было. Опасность провала очевидная.

– Да. Это рискованный вариант. И что решили?

– Решили сделать «человека в бегах». Побег прямо из здания суда. Тут не так давно была нашумевшая попытка побега с перестрелкой, в которой кучу людей завалили. По данным полиции, во время перестрелки еще два человека совершили побег. Предположительно оба ушли на территорию Украины, откуда родом и откуда нам преступников не выдают. Один из сбежавших – бывший боец киевского «Беркута», имеет отличную боевую подготовку. Потом служил в украинской военной разведке, но не слишком долго. Тоже носил когда-то звание капитана. Вот под него решено и сделать оформление. И ко всему откровенно фальшивые документы. Грубую фальшивку, которую специалист сразу разберет. Но это намеренно для бандитов. Чтобы им предъявить...

– Варианты все просчитали?

– Просчитывали в оперативном управлении ГРУ. Мы только ознакомились с выводами и предположениями. Нам с Виктором Васильевичем показалось, что все чисто, но вы, товарищ генерал, еще свежим взглядом сами просмотрите. Это не долго, всего одиннадцать страниц. Вместе с капитаном засядете и осилите...

– Капитан Ветошкин, думаю, и без меня справится. Я только мельком гляну, вполглаза. Бумаги где?

– Сейчас, товарищ генерал, позвоню Виктору Васильевичу, он привезет...

Звонок много времени не занял. Как я понял, подполковник Разумов обещал быстро приехать, и нам осталось только до его прихода чай после долгой дороги попить.

– Отдыхать, капитан, будешь? – поинтересовался Настырняев. – Как-никак почти полторы тысячи километров отмахал.

– На сотню километров меньше, – скромно заметил я. – К тому же за рулем почти не устаю, а отдыхать предпочитаю ночью. Пока готов входить в работу. На первичном, как говорится, уровне. Посмотреть документы, оперативные разработки и прочее...

– Тогда чай ему покрепче, и будем Виктора Васильевича дожидаться... – решил генерал Кабаков.

¹ На эмблеме спецназа ГРУ изображена летучая мышь на фоне земного шара. Из-за этой эмблемы бойцов спецназа ГРУ иногда называют «летучими мышами». (Не путать с эмблемой израильской спецслужбы Моссад, где летучая мышь держит над земным шаром кинжал.) – *Здесь и далее прим. автора.*

На кухне хозяйничал, поскольку до моего появления и был здесь хозяином, Алексей Ефимович. Он и чай заваривал, и по чашкам разливал, и на расписном подносе нам его принес.

Но допить чай мы не успели, в дверном замке зашевелился ключ, и майор Настырняев резко встал, едва не расплескав чай из своей чашки.

– Это подполковник Разумов. – Алексей Ефимович вышел встречать коллегу прямо с чашкой в руках.

– «Пьянством занимаетесь! Безобразия нарушаете!» – старой ментовской шуткой поприветствовал его вошедший, после чего, разувшись, вошел в комнату с портфелем в руке. – Здравия желаю, товарищ генерал! С возвращением вас. Как вижу, с удачным. Удалось уговорить капитана...

– Его долго уговаривать и не пришлось. Он на уговоры податливый, – одобрительно глянул на меня Кабаков.

– Виктор Васильевич, – протянул мне руку подполковник.

– Алексей Афанасьевич, – ответив на рукопожатие, представился я.

Мне лично Виктор Васильевич сразу понравился, и я решил, что с таким человеком будет легко работать. И даже в сложной, хотя и небоевой обстановке. Я уже несколько раз встречался с такими людьми, и всегда первое впечатление оказывалось правильным. Генерал Кабаков, похоже, разделял мое мнение и тоже улыбался, довольный всем, что происходило.

– Виктор Васильевич, ты должен был принести нам одиннадцать страничек для ознакомления. Принес? – спросил он.

– Обязательно, товарищ генерал. – Подполковник, вскрыв скрытую под маленьким клапаном пластилиновую печать, полез в свой объемный портфель и вытащил сколотые степлером листы принтерной распечатки и объемный журнал регистрации, который сразу же принялся заполнять.

– Распишитесь в ознакомлении, товарищ генерал, – вежливо попросил Разумов, и, как только генерал расписался, поставил число, время и передал документ Сергею Павловичу.

Генерал, как и обещал, читал бегло, поверхностно. Ознакомившись со всей стопкой, он непонятно хмыкнул и передал страницы с распечаткой мне. Я принялся читать, хотя иногда могу себе позволить просто взглянуть на страницу и запомнить ее, что называется, сфотографировать, а потом восстановить при необходимости в памяти. Но одиннадцать страниц – это объемный материал, и все запоминать – это серьезная нагрузка на мозг, что было в данный момент нежелательно.

– Что скажешь? – поинтересовался Кабанов, когда я, завершив прочтение, передал бумаги подполковнику Разумову.

– Варианты предположительно просчитаны наиболее вероятные с точки зрения психологии. В трех местах я не согласен с предложенной моделью моего ответного поведения. Уже продумываю свои варианты, которые ближе мне по моему характеру. В остальном все правильно, остается только согласиться.

– Хорошо, – произнес майор Настырняев. – Давай твои предложения обсудим. Может, ты тоже не всегда прав...

Генерал тем временем положил на стол передо мной пластиковую банковскую карточку Сбербанка и назвал пин-код, который я легко запомнил.

– На карте восемьдесят три тысячи рублей с копейками. Карта на имя находящегося в бегах гражданина Украины. Можешь пользоваться по мере необходимости. На первое время даже в Москве этого хватит. Карта под контролем. Будут деньги кончатся – еще перечислим. А лучше всего, если перечислят бандиты. Приучайся их трясти, чтобы их деньги против них и работали.

Я посмотрел на карточку и вслух прочитал:

– Олександр Сидорчук.

Теперь это мои «настоящие» имя и фамилия, придется привыкать.

– Пять дней тебе дадим на ускоренное изучение основ украинского языка. Справишься за пять дней? – спросил Разумов. – Преподавателя выделяет ГРУ.

Я понимал, что такая тесная привязанность событий к ГРУ случайной быть не может, но лишних вопросов, как привык по службе, предпочел не задавать.

– Если только основ, то справлюсь быстрее. Если до тонкостей, то месяца не хватит.

У тебя заметный кубанский акцент. Для неспециалиста он сильно похож на украинский, – добавил Сергей Павлович.

Глава третья

Пять дней интенсивных занятий по украинскому языку прошли быстро. Занимался я в самом деле достаточно интенсивно. И даже бытовые разговоры вел с инструктором на украинском. Наконец подошел момент внедрения в банду. Осень в нынешнем году выпала дождливая. Бушлат я дома оставил, а мой камуфлированный костюм, хотя считался пропитанным водоотталкивающим составом, начал в отдельных местах промокать и холодить тело. Промокла и камуфлированная фуражка, в результате чего начало сильно холодить голову. Вот об этом я раньше не подумал. Но ничего, главное, чтобы костюм тело прикрывал, а остальное все – второстепенно. Впрочем, в моей ситуации это меня устраивало, потому что работало на конкретную цель.

В машине у меня остался майор Настырняев, который должен отогнать моего «китайца» в новый загородный гараж ГРУ. Гараж ФСБ решено было не использовать, чтобы не было возможности у кого-то по номеру определить владельца и просчитать, что владелец задействован в какой-то операции ФСБ. Неизвестно, конечно, в какой именно, но подозрение может вызвать ненужное внимание к моей персоне, а это уже само по себе неприятно. Никто не знал источник утечки информации, а он существовал и действовал. Информацией о конкретных действиях бандиты часто владели еще до того, как ФСБ приступала к конкретным действиям. Да и не слишком доверял я водителям ФСБ, чтобы оставить машину надолго в их гараже. Могут разобрать до винтика, чтобы потом собрать из старых запчастей. С моей точки зрения военная разведка всегда надежнее. Мне даже дали гарантию, что моего «китайца» поставят в отдельный бокс и опечатают двери.

Тут на мой сотовый пришла эсэмэска от генерала Кабакова: «Пора. Выходи неторопливо, чтобы успеть промокнуть».

Я удалил ее, после чего убрал трубку подальше, пожал руку Алексею Иосифовичу и вышел из машины под основательно надоевший уже дождь. При мне был пистолет с нанесенным номером пистолета, похищенного у убитого охранника в Московском областном суде. Баллистическое и трассологическое описание в материалах уголовного дела было заменено на соответствующее моему новому оружию, уже опробованному в тире...

Идти по улице предстояло почти целый квартал, и я после полученного приказа двинулся вперед, старательно имитируя походку уставшего человека. И даже голову поднимал навстречу дождю, чтобы вода под козырек кепки попадала. А потом и воротник легкой куртки поднял, чтобы она и под воротником подмокла. Уже начинало стремительно смеркаться, а тяжелые дождевые тучи плыли над городом так низко, что усиливали подступающие сумерки и обещали скорый мокрый снег. Я шел вдоль квартала, состоящего из одного громадного длинного здания. На углу находились его полукруглое крыльцо и большие стеклянные двери, из которых выходил какой-то человек, и я тут же услышал звук двигателя разгоняющейся машины у себя за спиной. Поправляя воротник, я оглянулся и увидел не только фары внедорожника «Ленд Крузер 200», но и саму машину. Государственные регистрационные номера были залеплены снегом до нечитаемости. Я быстро оценил дистанцию и чуть заметно сделал шаг шире, но человек уже спустился с крыльца и, сразу встав на одно колено, выхватил из-под одежды пистолет – видимо, узнал машину и сообразил, что происходит, так как из открытого окна «Ленд Крузера» уже высунулся ствол, а потом с опозданием из него прозвучала автоматная очередь. Против крыльца стояла еще одна машина, по силуэту «БМВ». Оттуда выскочил охранник, а следом за ним и водитель. Оба подняли пистолеты и стали стрелять по «Ленд Крузеру». Но следующие очереди свалили и того, и другого. Я находился в шести метрах от человека, который успел сделать два выстрела, но попал, не умея, видимо, стрелять, в мокрую блестящую дорогу. А вот очередной выстрел из «Ленд Крузера» обязательно свалил бы стрелка, не дав ему подняться

с колена. Подскочив к нему, я успел свалить его ударом ноги раньше. И тут же автоматная очередь ударила в место перед крыльцом, где человек только что находился. Я выхватил свой пистолет и дал в окно внедорожника два выстрела, после чего «Ленд Крузер» газанул и резко умчался вперед. А мужчина навел свой «ствол» на меня. Эта ситуация, как следствие стресса после покушения, тоже рассматривалась оперативниками ГРУ, и я, действуя в соответствии с их рекомендациями, грубо спросил:

– Ты что, дурак? Я же тебя спас...

Он посмотрел на свое плечо, где на коже его плаща отпечатался след моего рифленого каблука, потом на место, где минуту назад стоял на одном колене, и, опустив пистолет, прошептал:

– Ты кто?

– Человек без пальто... – ответил я, стряхивая с себя дождевую воду и убирая пистолет под брючный ремень.

Мужчина вдруг резко подскочил и решительным голосом начал командовать:

– Погнали за ними... – Стремительно шагнув в сторону машины, он открыл переднюю дверцу и сел за руль.

Я без уговоров устроился рядом на пассажирском сиденье, заметив при этом:

– Да хрен их сейчас догонишь!

– Я знаю, куда они поехали. Попробую догнать. Путь срежем... – И «БМВ» мягко тронулся с места, сразу сворачивая за угол, туда же, куда пару минут назад свернул «Ленд Крузер».

Где-то в стороне послышалось завывание сирены полицейской машины. Похоже даже, что не одной, а нескольких. Кто-то, видимо, сразу после стрельбы позвонил.

Я узнал этого мужчину, но не по фотографии, а по описанию. В своих кругах его зовут Гога, хотя официально по документам он – Георгий Ахметович, но я даже мысленно не позволял себе называть его иначе, чем просто человеком, чтобы случайно автоматически не проговориться.

Погоня началась. Впрочем, для московских улиц это было почти нормальным движением. Здесь часто, несравненно чаще, чем в других крупных городах, можно встретить машину, предпочитающую в городе скорость выше сотни километров в час. Многим водителям, как мне объясняли, более медленное передвижение кажется просто унижительным. Дважды мы проскочили перекрестки на последней фазе желтого света. Если бы кто-то начал поперечное движение раньше разрешенного периода времени, на такой скорости избежать столкновения не удалось бы, по крайней мере не удалось бы с нашей стороны. Мне же с моими документами не очень хотелось встречаться с машиной ДПС, а это был вполне реальный вариант. Я согласился уехать с места покушения на Гогу во многом для того, чтобы избежать разборок с полицией, поскольку звуки полицейских сирен уже слышались отчетливо. Но уехать от одних полицейских, чтобы угодить в лапы других – это мне откровенно не нравилось. И потому я сказал достаточно резко и твердо:

– Все! Мы уже далеко отъехали. Высади меня.

– Почему? Боишься преследовать?

– На такой скорости дальше ментовки не уедешь. А мне это не по душе. Сам я преследовать согласен, но не люблю, когда меня преследуют. А ты едешь так, что любая патрульная машина за тобой сорвется.

Гога резко притормозил и уже не слишком торопливо двинулся дальше, до первого поворота направо. Там улица была скромная, с малым движением, хотя и отлично освещенная множественными фонарями.

– Жалко с тобой расставаться, – произнес он. – Стреляешь ты хорошо. Служил, я думаю?

– Служил, – кивнул я.

– Скорее всего, не мент. Менты обычно плохо стреляют. И где?

– В «Беркуте»... Потом еще кое-где...

– Это в Киеве, что ли?

– Это в Украине.

Я умышленно использовал предлог «в», который используют украинцы, а не предлог «на», как говорят в России. Это, пусть и в малой степени, было характеризующим моментом.

– Что ж на Майдане так плохо стреляли?! – с усмешкой спросил Гога.

– Меня там не было, а наши парни не стреляли потому, что им даже патроны не выдали. Дубинками отстреливаться, правда, разрешили, – усмехнулся я в ответ и сам ощутил, насколько естественной получилась моя горечь в голосе. По крайней мере такой довольно впечатлительный и умный, судя по характеристике, человек, как Гога, обязан эту горечь уловить. Но он, как оказалось, уловил и другое.

– Там, после стрельбы, когда ты в машину сел, я заметил, как ты занервничал, когда на дороге полицейские сирены слышались. Не желаешь ментам показываться? В розыске, что ли?

– А что, я должен был свой пистолет выбросить и сказать, что кто-то посторонний стрелял и уложил автоматчика?

– На оружие, стало быть, разрешения не имеешь! – задумчиво проговорил Гога.

– Как и ты, наверное... – ответил я.

В это время мы свернули за следующий угол, и на дороге, метров на тридцать впереди нас, стали заметны полицейские мигалки и менты. Но машины стояли и никого не преследовали.

– Что за хренотень! – Гога с силой стукнул ладонью по рулю. – Нам «тормоз» специально выставили? Разворачиваться поздно, нас заметили. Еду прямо. Если остановят, будь готов отстреливаться...

Я сунул руку на пояс и сжал рукоятку пистолета, который носил без кобуры, просто прижатый к своему животу брючным ремнем. Гога мой жест оценил правильно. Он дополнительно сбросил скорость, попробовал, легко ли ему дотянуться до рукоятки своего пистолета, и поехал прямо. Впереди стояли две патрульные машины полиции – «уазики» и одна машина ДПС – «Опель Астра». Инспектор ДПС сделал жезлом знак, приказывая «БМВ» принять вправо, прижаться к бордюру и остановиться. Гога не вышел из машины, как обычно делаю я, когда меня останавливает ДПС. Правила вообще-то не обязуют водителя покинуть машину, и в Москве это поведение, как я уже понял по нескольким увиденным случаям, считается естественным.

– Сразу не стреляй, – предупредил я. – Сначала поговорим. Там лежит кто-то в газоне... Человек. Может, просто другая машина сбила...

Я старался рассмотреть, что происходит впереди. Полицейские из патрульных машин даже не смотрели в нашу сторону, хотя все они были при автоматах и в любую минуту могли бы дать очередь.

Инспектор ДПС подошел к нам, козырнул и представился.

– Документы, командир? – высунул голову из окна Гога.

– Нет, только вопрос, если не возражаете. Вы здесь недавно не проезжали?

– Только утром... А что тут случилось?

– Из машины выбросили тело человека и автомат.

– Тело – значит, убит? – спросил я, наклоняясь к плечу Гоги и тоже выглядывая в окно водительской дверцы.

– Да, две пули в голове.

– Из автомата стреляли?

– Трудно сказать. Только мне кажется, не сам он в себя стрелял. Ствол его пороховой гарью пахнет, значит, стрелял в кого-то. Да тут, говорят, неподалеку какая-то перестрелка была. Ну ладно, раз здесь не проезжали, следуйте по своим делам.

Словоохотливый инспектор козырнул, и пошел в сторону своей машины, а мы объехали место происшествия и двинулись дальше.

– Повезло нам... – с облегчением выдохнул Гога.

– В чем? – поинтересовался я.

– Документы не проверяли. Я забыл их у убитого водителя забрать. Сейчас возвращаться уже поздно, документы, наверное, уже у ментов. Кстати, не объявили бы «Перехват»...

– Вот потому я и хочу с тобой расстаться. Сверни за угол и там меня высади.

– Боишься продолжения?

– Не вижу смысла ввязываться в незнакомую ситуацию. Уже раз ввязался, пару пуль парню в голову всадил...

– Уверен, что в голову всадил?

– «Гиббон» так сказал.

– Ты думаешь, это... На дороге – его из «крузака» выбросили?

– Не сомневаюсь...

– Надо было мне подойти, удостовериться...

– Долго думал. Сейчас уже поздно. Вот здесь поверни за угол, высади меня и езжай своей дорогой. Дальше нам не по пути. – Все это было просчитано в оперативном управлении ГРУ. Там имели достоверную информацию, что Гога остро нуждается в умелых боевиках, поэтому просто так он меня не отпустит, но желание использовать мои боевые навыки должно сводиться к его инициативе, а я должен проявлять свое нежелание к сотрудничеству, потому что мне своих забот хватает.

– Как хочешь. Хотя и стреляешь ты классно, но я и других стрелков найду, они «крузака» отловят... – Гога вытащил трубку, но при мне звонить не стал.

Машина остановилась, я вышел, вышел и Гога.

– Подожди, стрелок, – обратился он ко мне. – Я сейчас позвоню, чтобы «крузак» по пути тормознули, а потом поговорим.

Гога разговаривал, стоя на дороге, и дождь мешал мне услышать разговор, который велся и без того едва слышно. Но длился он недолго. А когда Гога убрал трубку под свой длинный кожаный плащ с полами, испачканными грязью, я попрощался с ним.

– Ладно, бывай здоров и больше под пули не подставляйся. Где здесь ближайшая станция метро, не подскажешь?

– Садись, я тебя до дома подвезу. «Крузака» и без нас тормознут.

– А меня с тобой тормознут.

– У меня в ментовке все на большом уровне схвачено. Я им большие «бабки» плачу, не переживай. Садись, выкрутимся. Все одно – это лучше, чем под дождем мокнуть...

– Ты, может быть, и выкрутишься, а вот я – едва ли. И тебя могут вместе со мной «закрыть». Я для тебя более опасен, чем твоя машина...

– Тебя хоть как звать-то? – поинтересовался он.

– Олександр, – сделал я намеренное усиление на букве «О». – Можно просто – Сашко...

Даст Бог, свидимся. А ты...

– Я – Георгий.

– Жора, значит, по-одесски...

– Я в Одессе ни разу не был. А вообще-то меня обычно зовут Гога, иногда можно Гошей, я не сильно обижаюсь. А ты, стало быть, хохол?

– Я – украинец, – с гордостью произнес я.

– Телефончик мне не оставишь? Вдруг сгодишься. Или я тебе сгожусь. Мой тоже запиши... Всякое в жизни бывает. Насчет ментов иногда могу выручить...

В целом Гога вел себя так, как и просчитывали в Оперативном управлении ГРУ. Там понимали его психологию.

Я подошел ближе и продиктовал свой номер. Гога сразу внес его в свою трубку. Я обратил внимание, что трубка у него элитная. Не какой-нибудь модный временщик «iPhon», а «Vertu», который стоит как очень хороший импортный автомобиль. Он назвал свой номер, и я просто запомнил. Мне это было тем более не сложно, что я номер уже знал, поскольку он был поставлен на прослушивание спутников космического управления ГРУ и фигурировал в документах, которые я уже читал.

– Память такая хорошая? – спросил Гога. – Не записываешь...

– Не жалуюсь. Специально тренировал... – Это подтверждало мою легенду, уже внесенную в ментовские документы, как и в документы суда и Следственного управления ФСБ, и подогревало его интерес к моей личности. – Все? Тогда я пошел. Так где здесь метро?

– Вернись до угла и поверни не в сторону ментов, а вправо. Через два, кажется, квартала будет метро. Сам увидишь... Отдельно стоящий домик с колоннами перед дверьми.

Я пошел, не оглядываясь...

«Хвоста» за мной не было. Гоге некого было за мной послать, а сам он слишком большим человеком себя считал, чтобы лично вести визуальное наблюдение. Я на метро добрался до своей станции, там пешком дошел до дома и поднялся в квартиру. У меня был свой экземпляр ключей и от подъезда, и от тамбура, и от собственно двух квартирных замков в стандартной китайской металлической двери. Майор Настырняев и подполковник Разумов имели свои экземпляры ключей, но пока я конспиративной квартирой пользуюсь, в нее без моего приглашения наведываться не будут. Я выложил на стол рабочую трубку и вытащил из шкафа свою личную. С нее и позвонил сразу генералу Кабакову. Коротко доложил все, что случилось нынешним дождливым вечером.

– Да, задел ты Гогу за большое место. Очень заинтриговал, – сообщил генерал. – Он сразу дал задание своим людям навести о тебе справки. Результаты, я думаю, будут только утром. Виктор Васильевич позвонит тебе, все расскажет. А ты хорошо отработал, одобряю...

– Стараюсь, товарищ генерал... – сдержанно ответил я.

Глава четвертая

Спал я, как обычно, чутко и в пять утра уже проснулся. Даже вне своего батальона я не оставлял привычку вставать в это время, тем более что долго лежать в постели не люблю – у меня от этого затекают мышцы и тело чувствует себя неуверенно. Лучше уж сразу сделать интенсивную зарядку. Не знаю, кто уведомил подполковника Разумова о моих привычках, но он позвонил, когда стрелка часов только-только приближалась к шести.

– Как дела, Олександр?

– Нормально, товарищ подполковник. Здравия желаю, кстати.

– Да, конечно... Доброе утро... Я могу тебя поздравить, у тебя появилось почти официальное «погоняло», даже в документах ГРУ ты теперь так называешься. Теперь ты официально значишься у бандитов и у ментов под позывным Хохол.

– По мне, пусть хоть горшком называют, лишь бы в печь не сажали, – не впечатлился я услышанным. – Но я готов выслушать все новости, товарищ подполковник.

– Новости хорошие. Все идет по плану. Гогу допросили в полиции, куда его доставили ночью. Он ничего объяснить относительно перестрелки не смог. Вернее, не пожелал. Не был он на месте гибели своего водителя и охранника. Они сами куда-то ездили. Смутно Гога помнит, что водитель несколько дней назад говорил, что ему хотелось бы старушку мать навестить в деревне. Деревня во Владимирской области. Гога разрешил ему взять машину. Может быть, в деревню и ездил. Что возьмет с собой охранника, водитель не говорил. Но этот охранник был сегодня выходным и вполне мог позволить себе такую поездку. И что там произошло, как были убиты его люди, кто их расстрелял, Гога не знает. Машину потом нашли на другой улице по GPS-трекеру люди Гоги и пригнали домой. Сам он в тот вечер из дома не выходил. А чьи отпечатки пальцев на руле поверх отпечатков водителя, он не знает. Отпечатки оставлены руками в перчатках. Перчатки простые, кожаные, которые можно купить в любом магазине.

Это все относительно покушения. Впрочем, не все... Автомобиль «Ленд Крузер 200», из которого предположительно и стреляли, был найден на выезде с шоссе Энтузиастов в сторону Балашихи. Водитель валялся в кустах неподалеку. Стреляли из автомата Калашникова калибра «семь, шестьдесят два». В лобовом стекле и в потолке четыре пробоины, из чего можно сделать вывод, что стрелок не слишком опытен. Очередь длинная. Но машина остановилась, водителя вытащили из-за руля, а после ранения, похоже в плечо, пытали. Все тело изрезано ножами, и нос поджигали бензиновой зажигалкой. Остался запах бензина. Заднее сиденье внедорожника и стекло задней дверцы залиты кровью, но это не кровь водителя. Сам внедорожник принадлежит криминальному авторитету Аркане. Арканя – Аркадий Насухович Рамазанов – по национальности азербайджанец, но рожденный в России и постоянно здесь проживающий, в последние годы, как говорили, решил отойти от дел, хотел стать политиком и членом Государственной думы. Даже стал членом политсовета Дагестанского отделения «Единой России». Но на прошлых выборах его кандидатуру в депутаты не выдвинули. Не рискнули, памятуя его рискованную репутацию и два тюремных срока в молодости. Арканя, как тебе, капитан, известно, возглавляет наркосиндикат «Синий лен», но по нашим данным намерен оставить его своему, как он считает, наследнику в уголовном деле, дагестанцу Надиру, ближайшему помощнику и доверенному лицу, к тому же женатому на его родственнице, кажется, на племяннице. Денег у Аркани достаточно, чтобы еще три жизни прожить и ни в чем себе не отказывать. При желании может возвести себе заранее пирамиду на месте будущего захоронения, причем его пирамида не будет уступать размерами пирамиде Хеопса. Это, кстати, слова самого Аркани, а не мои домыслы.

– Значит, машину все же перехватили... – констатировал я. – Гога звонил кому-то по этому поводу...

– Да. И благодаря этому звонку мы еще одного человека знаем. Более того, знаем, что он – бывший боец ОМОНа, как и тот, которого ты так удачно ликвидировал. Как же он сам, не понимаю, не сумел попасть в Гогу? А еще называется призером первенства России по практической стрельбе!

– На ходу из транспорта стрелять не умеет. Он же чемпион по практической стрельбе, которая производится из статичного положения. Но его дополнительно отвлекали охранник с водителем. Когда «крузак» остановился, их он уложил сразу. А потом дал очередь и по Гоге.

– Ты его опередил?

– Моя нога. Я столкнул Гогу с места, иначе его и бронежилет бы не спас. А потом уже я сам выстрелил.

– Да, две пули в голову из пистолета с такой дистанции – это качественная стрельба. Но я не все еще рассказал. Водитель «Ленд Крузера», когда ты застрелил его напарника, решил, что за благо будет убраться подальше, хотя имел при себе пистолет. Пистолет у него, кстати, забрали те, кто до него добрался, осталась одна подмышечная кобура с запасной обоймой. Но водитель был, видимо, не самым крутым в команде Аркани. Вступать в перестрелку с двумя людьми, один из которых к тому же так метко стреляет, он попросту не рискнул, уехал, свернул несколько раз, потом на пустынной улице остановился и выбросил убитого в газон, где его нашли прохожие, которые и вызвали полицию. Только к утру смогли идентифицировать пули. Пули оказались выпущенными из пистолета, который похитили два беглеца из здания областного суда. И из полиции сразу последовал звонок твоему другу Гоге с сообщением об этом. Вот у нас и высветилась картина, показывающая на «кротов» в системе правоохранения. Поскольку Гога уже знал твоё имя, ему не стоило труда вычислить, что ты есть Олександр Сидорчук, бывший боец «Беркута», а впоследствии и офицер Управления разведки Министерства обороны Украины. Узнал, что в Москву ты приехал из Минска, чтобы выручать близкого друга, на которого здесь «наехали» кавказцы. Ты уехал сюда, а твою сеть в Белоруссии в это время «повязали», и на тебя пало подозрение в самой украинской военной разведке. Но и в Москве у тебя дела не пошли – после удачной перестрелки, когда пятерых кавказцев спасла только срочная хирургическая операция, тебя вместе с другом «повязала» сначала служба охраны здания, причем друга твоего основательно ранили в голову из травматического пистолета, а потом уже и менты, оказавшиеся поблизости и поспешившие на звуки выстрелов. Все эти данные Гога затребовал сразу, как только ему передали данные баллистической экспертизы. И ему услужливо все предоставили. Гога сильно тобой заинтересовался, так что жди его скорого звонка. Я думаю, он будет звонить с утра, часов в девять, надеясь застать тебя дома. И потому сам я позвонил раньше, чтобы Гоге не помешать.

– Я понял, товарищ подполковник. Значит, сработало. Теперь главное – не дать себя сразу уговорить, как и планировалось.

– Точно так. Ищи золотую середину. Сначала отказывайся категорически, потом уже менее уверенно и дай ему почувствовать это. Пусть уговорит...

– Я думаю, он сумеет. Тем более что ему сейчас, как я понял, серьезные парни очень нужны.

– Ему нужны не просто серьезные, но и в достаточной степени «крутые отморозки», у которых за спиной нет прикрытия, причем желательно не связанные с российским криминальным миром излишне прочно. Как ни суди, а Арканя имеет в уголовной среде авторитет. Обрасти прочными связями в камере СИЗО ты не успел, ты сидел сначала в одиночной камере, потом с соседом, обвиняемым в шпионаже турком, оптовым торговцем помидорами. Турка уже осудили и упрятали далеко-далеко. Генерал Кабаков позаботился, чтобы ему было не до воспоминаний о тебе. Это все в целях обеспечения твоей безопасности. Но тебе еще одно задание дается, попутное. Следует пару следов оставить, чтобы посмотреть, к кому для «крышевания» обратится Гога. Это должен быть яркий след, что-то шумное... Сможешь организовать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.